

Э.Д. Гримм

Революция 1848 года во Франции. Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Э1

Э1 **Э.Д. Гримм**
Революция 1848 года во Франции. Часть 2 / Э.Д. Гримм – М.: Книга по Требованию, 2024. – 277 с.

ISBN 978-5-458-54023-0

ISBN 978-5-458-54023-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«анархистамъ». Кто же можетъ сомнѣваться въ томъ, что теперь, когда сама демагогія признала безсиліе политическихъ лозунговъ и обратилась къ социалистическимъ, національная гвардія будетъ еще энергичнѣ отстаивать семью и собственность, чѣмъ въ тѣ первые годы монархіи? Чего въ самомъ дѣлѣ недостаетъ Франціи? Развѣ какіе-либо дѣйствительные интересы ея не осуществлены? Вотъ уже скоро 18 лѣтъ, что европейскій миръ сохраняется въ то время, какъ алжирскіе походы тренируютъ армію и окружаютъ французское оружіе столь любезной націи славою ¹⁾. Национальное богатство растетъ съ поразительной быстротой, рента стоитъ высоко, пути сообщенія развиваются, земледѣліе, промышленность и торговля процвѣтаютъ, страна пользуется строго законнымъ управленіемъ, нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ законовъ и исключительныхъ положеній ²⁾, правительство впервые заботится о народномъ образованіи (законъ 1833 г.) и о положеніи рабочаго класса (законъ 1840 г.)—гдѣ же основанія для разумнаго недовольства существующимъ строемъ? И не является ли недовольство интеллигенціи и находящихся подъ ея вліяніемъ элементовъ общества лучшимъ доказательствомъ властолюбія вождей и политической незрѣлости ихъ сторонниковъ?

Вотъ тѣ соображенія, которыя лежатъ въ основаніи необычайной самоувѣренности и вытекающаго изъ нея упрямства представителей іюльской монархіи наканунѣ 1848 г. Когда послѣ выборовъ 1846 г. въ палату депутатовъ,—выборовъ, обеспечившихъ правительству большинство 270 голосовъ противъ 180 голосовъ оппозиціи, членъ палаты и близкій родственникъ Наполеона III, де Морни ³⁾, въ бесѣдѣ съ королемъ замѣтилъ, что эта блестящая побѣда отчасти объясняется довольно неопредѣленными обѣщаніями Гизо относительно какихъ-то реформъ ⁴⁾ и что «если его величество пожелаетъ исполнить эти обѣщанія, то на слѣдующихъ выборахъ оппозиція больше не будетъ, а ея рѣдкіе защитники явятся лишь предметомъ любопытства для страны», тогда Людовикъ-Филиппъ отвѣтилъ ему, подчеркивая презрительно отдѣльные слова: «Какія обѣщанія? (избирательная) реформа? не-

¹⁾ Именно въ эту эпоху большой версальскій дворецъ Людовика XIV былъ превращенъ въ личныя средства короля въ національный музей, посвященный «всей славѣ Франціи» (à toutes les gloires de la France): всякій, кто побывалъ въ этомъ музеѣ, знаетъ, что подавляющее большинство выставленныхъ въ немъ предметовъ искусства на самомъ дѣлѣ прославляетъ исключительн военную славу. Даже эпоха великой революціи представлена лишь съ этой точки зрѣнія.

²⁾ Въ своихъ мемуарахъ Гизо усиленно подчеркиваетъ это обстоятельство, забывъ, какъ много «чрезвычайнаго», т.-е. нарушающаго принципы свободы печати, собраній и т. д., заключалось въ законахъ 1834 и 1835 г. Изъ того, что эти ограниченія были проведены безъ указанія на ихъ временный характеръ въ нормальное законодательство, слѣдуетъ только то, что вся Франція была подчинена режиму, нарушавшему принципы, на которыхъ покоилась сама іюльская монархія.

³⁾ Де Морни былъ побочнымъ сыномъ матери Наполеона III, жены Людовика Вонапарта, королевы Гортензіи и графа Flahault.

⁴⁾ Вотъ его слова, произнесенныя во время банкета въ Лизіѣ (Lisieux), представителемъ котораго онъ былъ въ палатѣ: «оппозиція обѣщаетъ вамъ прогрессъ: одна только консервативная партія въ состояніи вамъ его дать». Эти слова были истолкованы въ смыслѣ готовности правительства пойти навстрѣчу требованію о реформѣ палаты депутатовъ.

совмѣсти-мо-сти (т.-е. невозможность совмѣщать званіе члена палаты и чиновника)? Вы не знаете этой страны, управлять ею можно только при помощи должностныхъ лицъ (*des fonctionnaires publics*). «Вы не знаете Франціи!—замѣчаетъ по этому поводу Гарніэ-Пажэ.—То же самое слово должно было быть произнесено тѣми же устами наканунѣ 24 февраля. Долгія царствованія ослѣпляютъ».

Не менѣе пренебрежительно относился къ оппозиціи, даже самой умѣренной, и Гизо. Еще въ октябрѣ 1847 г., когда агитація въ пользу реформы палаты депутатовъ уже была въ полномъ ходу, онъ нисколько не беспокоился за тотъ строй, защитникомъ котораго онъ былъ. «По истеченіи семи лѣтъ моего министерства—говорилъ онъ представителю одной великой державы—я считаю положеніе страны превосходнымъ, и мою позицію въ качествѣ министра болѣе прочной, чѣмъ когда-либо. Эта страна боится внѣшнихъ осложненій и опасностей, грозящихъ всеобщему миру: она не рѣшится низвергнуть меня, котораго она знаетъ за человѣка порядка и мира и съ которымъ ей нечего опасаться ни безумныхъ выходокъ въ внѣшней, ни гнусныхъ уступокъ во внутренней политикѣ. Если вы вдобавокъ признаете, что моя внѣшняя политика была въ общемъ успѣшна, то вы согласитесь, что теперешнее положеніе Франціи въ Европѣ сильно содѣйствуетъ упроченію моего министерства. Страна страдаетъ отъ двухъ золъ, отъ стремленія находить всюду распушенность (*corruption*) и отъ нѣкотораго возжелѣнія (*appétit*) въ пользу политическихъ и административныхъ реформъ. Я снова встрѣчу это двойное зло въ палатѣ (созывъ которой тогда предстоялъ). Крики противъ распушенности начинаютъ, впрочемъ, улегаться. Что же касается желанія политическихъ реформъ, то я выступлю рѣшительнѣйшимъ образомъ противъ него. Въ 1830 г. мы пересадили дерево реставраціи въ новую почву; но это не можетъ служить причиной для того, чтобы снова подобно неосторожному садовнику копать около его корней. Я надѣюсь, что я исцѣлю страну отъ этихъ ея наклонностей (*velléités*); если мнѣ это не удастся, если она будетъ настаивать, тогда я по окончаніи полномочій этой палаты (т.-е. въ 1850 г.) предоставлю другимъ заботу удовлетворить страну. Я не сыграю роли сэра Роберта Пиля моей страны. Тотъ спросилъ однажды во время кризиса, въ теченіе котораго онъ былъ побѣжденъ, г. де Сентъ-Олера (французскаго посла), что бы я сдѣлалъ, если бы я былъ на его мѣстѣ? Г. де Сентъ-Олеръ отвѣтилъ ему, что, по его мнѣнію, я оказалъ бы сопротивленіе. Тогда сэръ Робертъ сказалъ, что я былъ бы неправъ. «Надо всегда сопротивляться своимъ друзьямъ, никогда не надо сопротивляться своимъ врагамъ». Я дѣлаю какъ-разъ обратное. Я никогда не интересуюсь своими врагами, а интересуюсь только взглядами моихъ политическихъ друзей. Мнѣ необходимо считаться только съ тремя явленіями: съ королемъ, съ Дюпателемъ и съ консервативной партіей въ палатѣ. Основная черта короля заключается въ самомъ крайнемъ тщеславіи, въ неограниченной надменности. Въ данный моментъ это тщеславіе мнѣ на-руку. Король думаетъ и громко говоритъ, что онъ меня образовалъ (*formé*). Когда обо мнѣ говорятъ, онъ заявляетъ: я нашелъ министра, соответствующаго моему царствованію (*j'ai trouvé le ministre de mon règne*). Я же охотно предоставляю ему это удовлетвореніе его тщеславіи, такъ какъ мнѣ это выгодно: я никогда не имѣлъ большаго вліянія на его умъ, чѣмъ именно теперь. Что касается Дюпателя (министра внутреннихъ дѣлъ),

то онъ эпикуреецъ, отдающійся всѣмъ своимъ фантазіямъ. Фантазіи проникаютъ въ его голову точно картины волшебнаго фонаря, но не упрочиваются въ ней. Дюпатель одновременно порядочный человѣкъ и трусъ. Благодаря этому достоинству и этому недостатку, онъ не отдѣлится отъ меня, а будетъ всегда прекраснымъ и вѣрнымъ орудіемъ въ моихъ рукахъ. Консервативная партія привязана ко мнѣ, такъ какъ она знаетъ, что безъ меня она легко могла бы быть обезоружена или побѣждена оппозиціей. Она, кромѣ того, знаетъ, что я способенъ вступить въ бой съ радикальной партіей, и что мнѣ ничего не будетъ стоять обратиться къ чрезвычайнымъ законамъ и къ картечи въ тотъ день, когда радикализмъ началъ бы уличныя движенія. Консервативная партія думаетъ, впрочемъ, что она меня сдѣлала предсѣдателемъ совѣта министровъ, какъ король думаетъ, что онъ сдѣлалъ изъ меня хорошаго министра. Я пользуюсь этой вѣрой такъ же, какъ вѣрой короля. Однимъ словомъ я вѣю опасности отъ какого бы то ни было нападенія. Господинъ положенія какъ никогда раньше, увѣренный въ поддержкѣ короля, я не опасуюсь, чтобы палата меня низвергла. Такъ я смотрю на положеніе; пусть другіе смотрятъ на него иначе, это ничего не мѣняетъ въ реальномъ характерѣ того, что есть».

Удивительное самодовольство правящихъ круговъ и ихъ полная увѣренность въ прочности положенія покоились, однако, на весьма слабомъ основаніи и свидѣтельствовали о совершенномъ непониманіи того болѣе или менѣе опредѣленнаго чувства недовольства, которое охватило даже самыхъ умѣренныхъ людей вплоть до принцевъ крови. Вотъ какъ характеризуетъ это настроеніе и его корни такой тонкій наблюдатель, какъ Токвиль: «Если взглянуть на нашу исторію отъ 1789 до 1830 г. издалека и окинуть ее однимъ взоромъ, то она представитъ зрѣлище ожесточенной борьбы между старымъ порядкомъ, его преданіями, его воспоминаніями, его надеждами и его людьми, каковыми являлась аристократія, и новой Франціей, руководимой среднимъ классомъ. 1830 годъ закончилъ эту первую эпоху нашихъ революцій или, вѣрнѣе, нашей революціи, ибо есть только одна революція, всегда та же среди разнообразныхъ условій, начало которой видѣли наши отцы, и конца которой мы сами по всему вѣроятію не увидимъ. Въ 1830 г. побѣда третьяго класса была окончательной и столь полной, что вся политическая власть, всѣ вольности, всѣ прерогативы, все правительство цѣликомъ оказались заключенными и какъ бы скученными въ узкихъ границахъ одного этого класса за юридическимъ устраненіемъ всего, что было ниже его, и за фактическимъ устраненіемъ всего, что прежде было выше его. Онъ сталъ, такимъ образомъ, не только единственнымъ руководителемъ общества; можно сказать, что онъ сталъ его откупщикомъ. Онъ занялъ всѣ мѣста, поразительно увеличилъ ихъ число и привыкъ рассчитывать въ такой же степени на государственную казну, какъ и на свою собственную предпріимчивость. Какъ только это событіе совершилось, произошло великое успокоеніе всѣхъ политическихъ страстей, своего рода всеобщее измѣлчаніе жизни и чрезвычайно быстрое развитіе общественнаго богатства. Спеціальныи духъ средняго класса сталъ общимъ духомъ правительства; онъ господствовалъ какъ въ области внѣшней, такъ и въ области внутренней политики: активный, предпріимчивый, часто нечестный, обыкновенно по-

рядочный, иногда безразсудно смѣлый изъ тщеславія и эгоизма, боязливый по темпераменту, умѣренный во всемъ, кромѣ вкуса къ матеріальному благополучію, и отмѣченный печатью посредственности, этотъ духъ можетъ совершать чудеса, когда онъ смѣшанъ съ духомъ народа или аристократіи, по, предоставленный самому себѣ, онъ никогда не создаетъ ничего, кромѣ правительства безъ доблести и безъ величія. Всеобщій владыка, властвовавшій надъ всѣмъ столь безгранично, какъ это никогда не удавалось аристократіи, средній классъ, ставъ правительствомъ, придавъ государству видъ частнаго предпріятія... Каждый изъ его членовъ думалъ гораздо болѣе о своихъ частныхъ, чѣмъ объ общественныхъ дѣлахъ, думалъ больше о своемъ процвѣтаніи, чѣмъ о величіи націи. Потомство, которое видитъ лишь выдающіяся преступленія и отъ взора котораго обыкновенно ускользають пороки, быть-можетъ, никогда не будетъ знать, до какой степени тогдашнее правительство подъ конецъ приняло манеры промышленной компаніи, всѣ операціи коей совершаются ради барыша, который могутъ извлечь изъ нихъ члены товарищества. Эти пороки были связаны съ естественными инстинктами господствующаго класса, съ его абсолютной властью, съ характеромъ самой эпохи. Король Людовикъ-Филиппъ, быть-можетъ, содѣйствовалъ усиленію этихъ чертъ... То, чего больше всего не хватало этому политическому міру, особенно подъ конецъ, это была сама политическая жизнь. Она не могла ни зародиться, ни сохраниться въ томъ законномъ кругу, въ который ее заключила конституція; старая аристократія была побѣждена, народъ устраненъ. Такъ какъ всѣ дѣла рѣшались между членами одного и того же класса, въ его интересахъ, въ его духѣ, то не было возможности найти поле битвы, на которомъ большія партіи могли бы вести войну другъ съ другомъ. Эта своеобразная однородность положенія, интереса и, слѣдовательно, взглядовъ, которая царила въ томъ, что Гизо называлъ страной въ законномъ смыслѣ, лишала парламентскіе дебаты всякой оригинальности, всякой реальности, а, слѣдовательно, всякой истинной страсти. Я провелъ десять лѣтъ моей жизни въ обществѣ очень крупныхъ умовъ, которые постоянно находились въ ажитации, не имѣя возможности разгорѣться страстью, и которые употребляли всю свою прозорливость на то, чтобы найти поводы для серьезныхъ разногласій, не находя ихъ на самомъ дѣлѣ. То преобладаніе, которое приобрѣлъ король Людовикъ-Филиппъ въ государственныхъ дѣлахъ, и въ результатъ котораго никогда не слѣдовало увлечься очень далеко въ сторону отъ идей этого государя, дабы не удалиться въ то же самое время отъ власти, въ свою очередь, сводило различную окраску партій къ ничтожнымъ оттѣнкамъ, а ихъ борьбу къ борьбѣ словами. Я не знаю, существовалъ ли когда-либо парламентъ (не исключая и Учредительнаго Собранія, т.-е. настоящаго Учредительнаго Собранія 1789 г.), который содержалъ бы больше разнообразныхъ и блестящихъ тадеятовъ, чѣмъ сколько ихъ содержалъ нашъ парламентъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ іюльской монархіи. Между тѣмъ, я могу утверждать, что эти великіе ораторы очень скучали, слушая другъ друга, и, что хуже, что вся нація скучала, слушая ихъ. Она незамѣтно привыкала видѣть въ борьбѣ внутри палаты скорѣе упражненія ума, чѣмъ серьезныя пренія, а во всемъ, что раздѣляло разныя парламентскія партіи—большинство, лѣвый центръ или династическую лѣвую—внутренніе раздоры между дѣтьми одной семьи, старающимися надуть другъ друга.

Нѣсколько, открывшихся случайно, кричащихъ случаевъ моральной распущенности заставляли націю предполагать ее всюду въ скрытомъ видѣ, убѣдили ее въ томъ, что весь правящій классъ былъ морально распущенъ, и она прониклась по отношенію къ нему спокойнымъ презрѣніемъ, которое принимали за довѣрчивое и удовлетворенное подчиненіе».

«Къ чему же стремится она, эта осторожная, готовая къ словеснымъ спорамъ, не поддающаяся управленію буржуазіи?»—вторитъ Токвилю Прудонъ въ своей исповѣди революціонера. «Если только вы ее заставите отвѣтить, то она вамъ скажетъ, что она хочетъ (коммерческихъ) дѣлъ: до остального ей мало дѣла. Надъ убѣжденіями и партіями она глумится; мы знаемъ, что она думаетъ о религіи; ея представительный образъ правленія, за который она столько сражалась, внушаетъ ей пренебреженіе. То, чего буржуазія хочетъ, чего она требуетъ, это—довольство, роскошь, удовольствія, это возможность пріобрѣсть деньги. И народъ во всѣхъ этихъ пунктахъ того же мнѣнія, что буржуазія. И онъ также претендуетъ имѣть свою долю матеріальнаго благополучія, удовольствія и роскоши; однимъ словомъ, онъ хочетъ быть свободнымъ, готовый при этомъ условіи вѣрить во что угодно въ области религіи и въ области политики. Такъ вотъ, миссія Людовика-Филиппа,—миссія, которая была возложена на него договоромъ 1830 г., заключалась въ томъ, чтобы обезпечить торжество буржуазной идеи, которое — отдадимъ себѣ въ этомъ отчетъ!—заключается не въ томъ, чтобы обезпечить однимъ трудъ, другимъ барышъ, всѣмъ довольство, не въ томъ, чтобы открыть торговлѣ рынки и обезпечить странѣ дѣла—это значило бы разрѣшить социальный вопросъ,—а въ томъ, чтобы распространять мораль интереса (*la morale de l'intérêt*), привить всѣмъ классамъ политическій и религіозный индифферентизмъ и создавать путемъ гибели партій и деградиціи всякой совѣсти фундаменты новаго общества, вынудить, если можно такъ выразиться, рѣшенную судьбой революцію... Говорятъ, февральская революція была революціей презрѣнія; это вѣрно, но кто не видитъ, что именно въ этомъ заключалась тайна чудеснаго назначенія Людовика-Филиппа. Какъ это и должно было случиться съ развратителемъ всѣхъ принциповъ, Людовикъ-Филиппъ былъ наиболѣе ненавидимымъ, наиболѣе презираемымъ изъ всѣхъ государей, тѣмъ болѣе презираемымъ, тѣмъ болѣе ненавидимымъ, что онъ обладалъ высокимъ пониманіемъ своего мандата. Людовикъ XIV царствовалъ благодаря идолопоклонству къ его особѣ; Цезарь и Бонапартъ—благодаря внушаемому ими чувству удивленія; Сулла и Робеспьеръ—благодаря тираніи; Бурбоны—благодаря реакціи Европы противъ завоеваній имперіи. Людовикъ-Филиппъ первый, онъ единственный царствовалъ благодаря презрѣнію. Развѣ Казиміръ Перье уважалъ Людовика-Филиппа? Развѣ Лафайеттъ, Лафитъ, Дюпонъ де л'Эръ его любили? Я не говорю о Талейранахъ, Тьерахъ, Дюпонахъ, Гизо, ни о всѣхъ тѣхъ, которые были или желали быть его министрами; они были слишкомъ похожи на своего хозяина, чтобы имѣть высокое мнѣніе о немъ. Но видѣли ли мы когда-нибудь, чтобы, напр., члены академіи восхваляли въ своихъ засѣданіяхъ Людовика-Филиппа, какъ они возносили славу великаго короля (Людовика XIV) или великаго императора? Видѣли ли мы, чтобы актеры говорили ему комплименты въ театрѣ, чтобы священники проповѣдывали о немъ въ церквахъ, чтобы судьи восхваляли его въ своихъ приговорахъ?.. А, между

тѣмъ, эти люди, наиболѣе почтенные изъ коихъ были въ глубинѣ своего сердца искренними республиканцами, соединились, чтобы возвести на престолъ Людовика-Филиппа, и, проклиная его, они упорно его поддерживали».

Если устранить повышенный почти до апокалиптическихъ видѣній тонъ, характеризующій исповѣдь революціонера, то взгляды Прудона и Токвиля по данному вопросу поразительно похожи другъ на друга. То, что они говорили въ своихъ воспоминаніяхъ объ іюльской монархіи, говорили другіе въ другихъ выраженіяхъ задолго до нихъ въ палатѣ депутатовъ. Еще въ 1839 году знаменитый поэтъ, а впослѣдствіи государственный дѣятель, Ламартинъ, начавшій, какъ и Викторъ Гюго, съ легитимистскихъ убѣжденій, чтобы перейти, точно такъ же, какъ и онъ, въ ряды республиканцевъ, произнесъ въ палатѣ блестящую рѣчь на эту тему, нашедшую широкій откликъ въ странѣ: «Іюльское правительство произошло изъ народа: оно должно было принадлежать народу; оно должно было быть правительствомъ всѣхъ крупныхъ интересовъ страны. Въ такомъ случаѣ оно имѣло бы прочное большинство и прочное меньшинство и тотъ полетъ, который вамъ позволилъ бы избавиться отъ всѣхъ этихъ ничтожныхъ парламентскихъ затрудненій. Здѣсь нѣтъ большинства потому, что за правительствомъ, съ самаго его основанія въ 1830 г., нѣтъ крупнаго дѣла, крупной заслуги». Если въ палатѣ замѣчается своего рода утомленіе отъ великихъ событій послѣднихъ сорока лѣтъ, то это не значитъ, что вся нація готова успокоиться на усталомъ настроеніи. «Вы не должны думать, господа, что, такъ какъ мы устали отъ великихъ движеній, взволновавшихъ нашъ вѣкъ и насъ, то всѣ устали, какъ мы, и боятся малѣйшаго движенія. Поколѣнія, подрастающія за нами, не утомлены; они сами хотятъ дѣйствовать и устать. Какое дѣло вы имъ предоставили? Франція представляетъ скучающую націю (*la France est une nation, qui s'ennuie*)». «Гизо, Моле, Тьеръ, Пасси, Дюфуръ—писалъ онъ въ 1842 г. въ частномъ письмѣ—вотъ пять манеръ сказать то же самое слово. Они надѣли мнѣ во всѣхъ видахъ. Пусть чортъ ихъ соединитъ, какъ ему угодно!» «Если ихъ послушать, можно подумать, что гениальность государственнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы сѣсть на мѣсто, которое ему уготовилъ какой-либо случай или революція, и оставаться на немъ неподвижно, инертно, не поддаваясь никакому вліянію... Если бы это было такъ, не было бы нужды въ государственныхъ людяхъ. Вести такую политику могла бы уличная тумба (*une borne*)»,—заявилъ онъ тогда же публично, а пять лѣтъ спустя, вліятельный издатель первой дешевой газеты «*La Presse*», Эмиль де Жирарденъ, воспользовался характеристикой, данной однимъ депутатомъ существу правительственной политики: «ничего! ничего! ничего!», и сдѣлалъ изъ этихъ словъ постоянный эпиграфъ своей газеты.

Между парламентомъ и страной лежала пропасть, становившаяся съ каждымъ годомъ все болѣе непреодолимой. Превосходнымъ показателемъ угрожающаго положенія могло служить состояніе чрезвычайно вліятельной въ то время печати. Вліяніе ея, правда, не проникало глубоко въ народную массу. Для этого цѣна газетъ была слишкомъ высока: за исключеніемъ двухъ газетъ («*Presse*» и «*Siècle*») подписная плата на всѣ остальные большія парижскія газеты, игравшія безусловно преобладающую роль вслѣдствіе слабаго развитія провинціальной прессы, колебалась около

80 франковъ (приблизительно 30 рублей) въ годъ. Несмотря на то, что газета при такихъ условіяхъ читалась, конечно, гораздо большимъ кругомъ лицъ, чѣмъ кругомъ подписчиковъ, она не могла оказывать непосредственнаго, а въ лучшемъ случаѣ лишь косвенное вліяніе на массу. Въ 1835 г. количество подписчиковъ 20 парижскихъ ежедневныхъ газетъ доходило всего до 70000, изъ коихъ 52000 парижанъ. Къ 1846 г. количество газетъ возросло до 26, а количество ихъ подписчиковъ до 200000, но и эти цифры свидѣтельствуютъ лишь о крайне слабомъ распространеніи газетъ. На ряду съ газетами играли, правда, немаловажную роль и всякаго рода брошюры, памфлеты и т. д., но это мало измѣняло положеніе вещей. Тѣмъ не менѣе, вліяніе прессы было чрезвычайно велико, что совершенно естественно въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, необходимо принять во вниманіе ограниченность политическаго кругозора командующаго класса, систематически исключавшаго массу населенія изъ своихъ расчетовъ и руководившагося исключительно данными относительно умственнаго состоянія и настроенія тѣхъ слоевъ населенія, взгляды которыхъ, такъ или иначе, отражались въ печати. Отсюда получалась естественно чрезвычайная переоцѣнка революціонности настроенія народной массы, на которую смотрѣли сквозь призму литературно-интеллигентскихъ мнѣній о ней,—переоцѣнка, столь характерная, напр., для взглядовъ Гизо, который именно потому считалъ необходимымъ держаться «малокровной политики сопротивленія», во что бы то ни стало, что каждый министръ ожидалъ вспышки предполагаемыхъ имъ анархическихъ наклонностей массы. По мѣткому замѣчанію одного историка французской политической мысли Гизо вплоть до 1848 г. не могъ понять, что самой правильной политикой іюльской монархіи было бы введеніе всеобщаго избирательнаго права; введенное въ спокойныя времена, оно не преминуло бы проявить свое консервативное вліяніе. Вмѣсто этого онъ скорѣе допускалъ (въ теоріи, но не на практикѣ) расширеніе избирательныхъ правъ въ смыслѣ привлеченія тѣхъ именно слоевъ, выразителемъ которыхъ являлись Одилонъ Барро и династическая лѣвая, слоевъ, уже потому сравнительно гораздо менѣе консервативныхъ, что мысль работала въ нихъ съ неизмѣримо большей интенсивностью, чѣмъ въ крестьянствѣ, этомъ хранителѣ общественной инерціи.

Одна сторона вліянія печати заключалась, такимъ образомъ, при данныхъ условіяхъ политической жизни въ усиленіи преувеличенныхъ страховъ правящихъ круговъ, а, слѣдовательно, въ усиленіи ихъ реакціонныхъ по отношенію къ духу іюльской революціи стремленій. Съ другой стороны, именно вслѣдствіе этого сопротивленія власти противъ идеи всякаго «движенія» и вслѣдствіе полной безнадежности оппозиціи въ палатахъ печать сдѣлалась единственной выразительницей оппозиціоннаго настроенія общества, снова стремившагося приспособить свою организацію къ своимъ потребностямъ. На ряду съ королемъ и съ двумя палатами печать стала четвертымъ центромъ политической жизни страны. А такъ какъ вся печать этой эпохи имѣла рѣзко партійный характеръ, т.-е. освѣщала политическое положеніе съ точки зрѣнія опредѣленныхъ цѣлей, а не съ точки зрѣнія простой информации о дѣйствительномъ настроеніи народной массы, отъ которой она, какъ мы видѣли, была слишкомъ далека въ значительной мѣрѣ опять-таки вслѣдствіе репрес-

сивной политики правительства ¹⁾, то желательное съ точки зрѣнія той или иной партіи принималось постоянно за дѣйствительное, и создавалось совершенно ложное представленіе о состояніи народной жизни. Въмѣстѣ съ тѣмъ, интеллигенція, руководившая печатью, а дальше и сама печать, будучи далеки не только отъ народа, но и отъ реального отвѣтственнаго участія во власти, неизбежно слишкомъ упрощали сложность подлежащихъ разрѣшенію политическихъ и социальныхъ проблемъ и слишкомъ легко упрекали поэтому правительство въ нелѣпной и узко династической или классовой политикѣ. Стремясь въ то же самое время поразить противника въ самое больное мѣсто и подѣйствовать наисильнѣйшимъ образомъ на чувства читателя, печать напирала, главнымъ образомъ, на такіе пункты, которые принимались болѣе или менѣе добросовѣстно за признаки предательскаго отношенія власти къ національнымъ интересамъ, за признаки постоянной готовности власти пожертвовать интересами и достоинствомъ Франціи ради интересовъ династіи и «банократіи», какъ Прудонъ называлъ правящій классъ. Отчасти именно этимъ объясняется та роль, которую играли обвиненія въ предательски-трусливой и династической виѣшней политикѣ, декламации противъ «коварнаго Альбіона», съ которымъ власть старалась дружить, и противъ «народоубійственнаго священнаго союза», съ которымъ власть считала нужнымъ координировать свои дѣйствія, постоянныя обвиненія въ расточительности, въ стремленіи короля ограбить народъ въ интересахъ своей чрезвычайно богатой семьи и т. д.

Результатомъ всего этого являлся тотъ революціонный характеръ, которымъ въ послѣдніе годы іюльской монархіи отличались даже весьма умѣренные органы печати. Изъ всѣхъ крупныхъ органовъ печати на сторонѣ правительства стояли только три, имъ субсидируемыхъ, академическій «Journal des Débats», получавшій ежегодно 144000 франковъ изъ средствъ самого короля, «Еpoque» и «Globe». Да и то количество ихъ подписчиковъ имѣло совершенно опредѣленную тенденцію къ пониженію. Такъ, «Journal des Débats», имѣвшій въ эпоху имперіи 25000, а въ эпоху реставраціи 13000 подписчиковъ, имѣлъ ихъ въ эпоху іюльской монархіи лишь около 9000, что, правда, отчасти объяснялось той аристократической скукой, которой вѣяло отъ него. Но и два другихъ правительственныхъ органа оказались безсильными привлечь талантливыхъ сотрудниковъ и читающую публику, несмотря на значительныя, обращенныя на ихъ созданіе и поддержаніе средства. Вся остальная крупная печать—легитимистскія «Quotidienne», «Gazette de France» и «Univers», либеральныя «Constitutionnel», «Bien public» (Ламартина), «Presse», радикальныя «National» (Армана Марра и умѣренныхъ республиканцевъ), «Reforme» (Медрю-Роллена, Луи Блана, якобинскихъ и социалистическихъ республиканцевъ) и т. д.—была враждебна правительству и становилась съ каждымъ годомъ все болѣе враждебной. Чѣмъ болѣе выяснялась невозможность разсчитывать на своевременныя уступки правительства, тѣмъ рѣзче становился языкъ печати, тѣмъ болѣе она играла съ мыслью о насильственномъ измѣненіи существующаго порядка,—измѣненіи, изъ котораго

¹⁾ Только за три первыхъ года іюльской монархіи количество судебныхъ дѣлъ, начатыхъ властью противъ печати, дошло до 411, изъ коихъ, правда, лишь 143 кончились осужденіемъ, такъ какъ тогда эти дѣла еще рѣшались присяжными.

каждая изъ главныхъ борющихся группъ, клерикалы-легитимисты, либералы, республиканцы и социалисты, надѣялись извлечь выгоду для себя. Уже лѣтомъ 1846 г., еще до начала банкетной агитаціи, положеніе дѣлъ обострилось настолько, что привело сторонника іюльской монархіи, Леона Фоше (Fauscher), къ самымъ мрачнымъ заключеніямъ. «Насколько вообще прошлое можетъ походить на настоящее,—писалъ онъ, — теперешнее положеніе напоминаетъ во всѣхъ деталяхъ положеніе Франціи въ 1826 и 1827 годахъ».

§ 2. Вопросъ о реформѣ.

Одна изъ главныхъ причинъ недовольства руководившей движеніемъ интеллигенціи заключалась въ характерѣ избирательнаго закона, съ которымъ Людовикъ-Филипп отождествлялъ себя такъ же, какъ нѣкогда Карлъ X отождествлялъ себя съ клерикально-феодальной реакціей. «Я никогда не дамъ своего согласія на реформу. Отдайте себѣ въ этомъ ясный отчетъ»,—заявлялъ онъ въ мартѣ 1847 г., и еще утромъ 24 февраля 1848 г., когда Тьеръ ему указалъ на настоятельную необходимость реформы, онъ воскликнулъ:—«Избирательная реформа? Вздоръ! Это дало бы намъ милые законы! Вдобавокъ войну».

Самая любопытная сторона дѣла заключается въ томъ, что консерваторы сами прекрасно сознавали кричащіе недостатки дѣйствующей системы и, когда нужно, ссылались на нее, дабы указать зазнавшейся палатѣ, когда она стремилась къ строго парламентарному строю, подобающее ей мѣсто. Вотъ что писалъ, напр., защитникъ королевской прерогативы противъ господства палаты депутатовъ, де Фонфредъ (Fonfrède) еще въ 1837 г.: «при существующихъ правилахъ о цензѣ, при раздробленности партій, при томъ маседуанѣ, который представляетъ составъ палаты, беспорядочно созданной выборами, рѣшающее значеніе въ которыхъ принадлежитъ мѣстнымъ вліяніямъ и кoterіямъ въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ, лишенныхъ умственной и политической жизни, прошлаго и внутренней связи, палата депутатовъ представляетъ на самомъ дѣлѣ лишь очень немного, лишь очень небольшую часть національной жизни, лишь весьма ничтожную частицу пониманія ея интересовъ. Палата депутатовъ не заключаетъ въ себѣ всего представительства. Мало того: изъ всѣхъ трехъ властей она наименѣе соответствуетъ идеѣ представительства». Ближе же всего, по его мнѣнію, соприкасается съ народной жизнью именно исполнительная власть, безчисленные органы которой гораздо больше сталкиваются съ народомъ во всѣхъ его разнovidностяхъ, а потому и гораздо болѣе способны отразить его интересы и дать главѣ исполнительной власти правильное представленіе о положеніи вещей. Это и обезпечиваетъ королевской власти, если не въ теоріи, то на практикѣ, первенствующее значеніе, и вотъ почему король такъ цѣлко держится за эту систему. «Если даже реформа дѣйствительно станетъ необходимой, я не дамъ своего согласія на эту трусливую мѣру. Реформа равносильна вступленію оппозиціи во власть, равносильна войнѣ, равносильна началу конца! Какъ только оппозиція явится, я уйду!» Такъ говорилъ онъ въ началѣ 1848 г. Людовикъ-Филиппъ, считавшій себя типомъ истинно-конституціоннаго государя, на самомъ дѣлѣ

былъ чуждъ настоящаго пониманія конституціонной идеи. Опираясь всегда и во всемъ на хартію, онъ не понималъ, что ея значеніе было лишь условное, особенно поскольку она ограничивала политическія права народа, что она содержала лишь минимумъ того, что надо было предоставить народу, дабы возвращеніе Бурбоновъ оказалось возможнымъ, и что она нуждалась въ развитіи, движеніе въ пользу котораго должно было принять тѣмъ болѣе бурный видъ, чѣмъ меньше власть сама сумѣетъ взять на себя инициативу реформъ. Такъ же мало, какъ и Наполеонъ I, онъ желалъ занять то декоративное положеніе, которое онъ неизбежно, по его мнѣнію, долженъ былъ занять въ случаѣ строгаго проведенія принципа, что «король царствуетъ, но не управляетъ»: какъ и Наполеону I, ему представлялось, что занять такое положеніе значитъ превратиться въ «откармливаемого на убой борова». Вотъ почему онъ десять лѣтъ интриговалъ противъ своихъ собственныхъ министровъ, пока логическое развитіе основаннаго на банкократіи строя не привело къ 8-лѣтнему господству министерства, соотвѣтствовавшаго идеѣ его царствованія (*la repêche du regne*), т.-е. министерства Гизо. Допустить отставку этого министерства, лишиться того большинства, которое поддерживало его политику, значило не только порвать съ привычными и столь выгодными для проявленія королевскаго авторитета условіями; это значило, по его мнѣнію, нарушить всю «идею» его управленія и превратить королевскую власть въ пустую и скучную декорацію. Отсюда его упорное сопротивленіе реформъ.

Существующая избирательная система страдала между тѣмъ громадными недостатками. Помимо того, что она передавала власть олигархіи, она давала чрезмерный просторъ исполнительной власти въ ея стремленіи направлять выборы согласно своимъ желаніямъ. Съ одной стороны, хартія допускала участіе чиновниковъ въ палатѣ, не обставляя въ то же время ихъ свободу никакими гарантіями противъ правительственнаго произвола и не требуя отъ депутатовъ, получившихъ въ теченіе сессіи какое-либо назначеніе, чтобы они подверглись переизбранію, а въ результатъ въ 1848 г. въ составѣ правительственнаго большинства числилось не менѣе 150 чиновниковъ. Съ другой стороны, ограниченность круга избирателей позволяла въ гораздо большей степени прибѣгать къ мѣрамъ воздѣйствія на ихъ корыстные интересы, чѣмъ это было бы возможно при иныхъ условіяхъ. Въмѣстѣ съ аналогичными мѣрами по отношенію къ отдѣльнымъ депутатамъ все это обезпечивало правительству возможность создать себѣ тѣмъ болѣе послушное большинство, чѣмъ прочнѣе казалось данное министерство: количество «одоженій», дѣлаемыхъ правительствомъ депутатамъ, иногда доходило до весьма внушительныхъ цифръ — побившій рекордъ депутатъ (кстати сказать, изъ лѣвой) получилъ ихъ 304 (*sic!*). На ряду съ подкупомъ въ скрытой формѣ не пренебрегали и элементарнымъ явнымъ подкупомъ, и особенно министерство Гизо, лично безусловно честнаго человѣка, очень напоминало по своимъ приемамъ управленія министерство Вальполя въ Англіи XVIII вѣка.

Не удивительно, что вопросъ объ измѣненіи этой системы въ смыслѣ расширенія избирательныхъ правъ («избирательная реформа») и устраненія чиновниковъ изъ числа депутатовъ путемъ установленія несовмѣстимости этихъ двухъ званій («парламентская реформа») имѣлъ коренное значеніе для дальнѣйшаго развитія